

Agatha Christie[®]
СЕРЕБРЯНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Agatha Christie[®]

Мэри
Уэстмакотт

Благие намерения

Москва
2018

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
У99

Mary Westmacott
A DAUGHTER'S A DAUGHTER

A Daughter's a Daughter © 1952 The Rosalind Hicks
Charitable Trust. All rights reserved.
AGATHA CHRISTIE and the Agatha Christie Signature
are registered trade marks of Agatha Christie Limited
in the UK and elsewhere. All rights reserved.

<http://www.agathachristie.com>

Уэстмакотт, Мэри.
У99 **Благие намерения / Мэри Уэстмакотт ;**
[пер. с англ. А. Ганько]. — Москва : Эксмо,
2018. — 320 с. — (Агата Кристи. Серебряная
коллекция).

ISBN 978-5-04-096934-0

Казалось бы, старая как мир история... Но знаменитый
театральный и кинопродюсер Билл Кенрайт, уже в наши дни
поставивший по сюжету «Благих намерений» спектакль, оце-
нил эту работу Кристи как «самую жесткую и честную».

Встретив Энн, Ричард смог наконец избавиться от му-
чительных мыслей о погибшей жене и снова полюбить. Энн
тоже обрела в нем столь желанное счастье. Но возникла неои-
данная помеха — единственная дочь Энн, Сара, которую мать
просто боготворит. Сара готова пойти на все, чтобы помешать
свадьбе, ее обида и ревность не знают предела. Неужели жесто-
кая вражда двух родных сердец никогда не закончится миром?..

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-096934-0

© Перевод, ООО «Центрполиграф», 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Часть первая

Глава 1

1

Энн Прентис стояла на платформе вокзала Виктория и махала рукой.

Поезд, выбранный с учетом пароходного расписания, сделав несколько рывков, тронулся с места, и вскоре темная головка Сары скрылась из виду. Энн Прентис развернулась и, медленно шагая по платформе, направилась к выходу.

Ее не покидало чувство, что, расставшись с любимой дочерью, она оказалась на пороге новой жизни.

Милая Сара... Как же она будет скучать по ней... Конечно, разлука продлится всего три недели, но какой пустой все это время будет выглядеть их квартира. В ней останутся только двое: Эдит и она — две скучные женщины средних лет...

А Сара такая жизнерадостная, веселая, в ней столько оптимизма...

Милая, любимая моя темноволосая детка...

Боже, но какой жутко раздражительной она иногда становится! Как она возмущается, когда ей вдруг

начинает казаться, что мать слишком сильно ее опекает! «Не волнуйся, мама», — как и многие девушки ее возраста, резко произносит тогда Сара. А то, что мать следит за чистотой и опрятностью ее одежды: носит вещи дочери в химчистку и всегда платит за них, — это воспринимается как должное. А эти ее телефонные звонки! («Мама, будет намного проще, если ты сама позвонишь Кэрол и все у нее выяснишь».)

«А какой была я в ее годы?» — подумала Энн и мысленно вернулась в свое прошлое.

Жила она в семье со старомодным укладом. Матери, когда она родила, было уже за сорок, а отец был старше матери лет на пятнадцать-шестнадцать. Хозяйство в доме велось так, как это нравилось отцу.

И мать и дочь с одинаковым обожанием относились друг к другу: «А вот и моя маленькая дочка! Папина любимица!», «Мама, дорогая, я могу что-нибудь для тебя сделать?».

Уборка дома, исполнение всевозможных поручений, таких как ведение бухгалтерских книг, рассылка приглашений и поздравительных открыток, — всем этим занималась Энн. Эту работу она воспринимала как должное — дочери в семьях существовали для того, чтобы обслуживать своих родителей, а не наоборот.

Проходя мимо киоска, Энн неожиданно спросила себя: «Какую же мне купить книгу?»

Она пробежала глазами по корешкам выставленных на витрине изданий и пришла к неожиданному для себя выводу, что ей совершенно все равно, что читать сегодня вечером перед горящим камином. Выбор книги был не более чем простой условностью. Любую книгу одни сочли бы шедевром, другие — мистической ерундой, третьи — просто скучной.

Так заведено, что родители заботятся о детях, дети помогают родителям. И не важно, насколько теплые отношения существуют между ними. Энн была уверена, что ее и Сару связывает искренняя любовь и глубокая привязанность. А как было между ней и ее собственной матерью? Вспомнив свое детство, Энн подумала, что они с матерью только на первый взгляд так уж обожали друг друга, на самом деле были довольно равнодушны.

Улыбнувшись своим мыслям, она купила книгу издательства «Пингвин», ту, которую когда-то уже читала и от которой получила большое удовольствие. Теперь эта книга, пожалуй, покажется слишком сентиментальной. Но это было уже не важно, поскольку Сара уехала из дому на три недели...

«Я буду скучать по ней, — подумала Энн. — Конечно же мне будет очень не хватать ее, но зато какими спокойными будут для меня эти дни... Да и для Эдит отсутствие Сары тоже станет отдыхом.

Ведь она так расстраивается, когда из-за Сары меняется заведенный порядок и переносится время завтраков, обедов или ужинов».

Сара и ее друзья то без предупреждения приходят к ним в дом, то неожиданно уходят. Дочь часто звонит домой и сообщает, что ее планы переменялись: «Мама, дорогая, мы смогли бы поесть сегодня пораньше? А то мы собрались в кинотеатр», «Мама, это ты? Я звоню, чтобы предупредить, что к ужину я не успею».

У Эдит, прослужившей у них более двадцати лет, такие изменения давно установленного распорядка дня ничего, кроме раздражения, не вызывают. Она в таких случаях, говоря словами Сары, «просто скисает».

Даже Сара и та не всегда могла успокоить прислугу, хотя та по-своему ее обожает.

Одной с Эдит ей будет гораздо спокойнее. Спокойнее, но уж очень одиноко... Неожиданно у Энн похолодело внутри, и она поежилась. «Теперь вокруг меня будет тишина и ничего больше, — подумала она. — Тишина — спутник женщины на склоне лет, и так до самой смерти. Теперь ждать и надеяться мне больше не на что.

А что мне, собственно говоря, нужно? У меня же все было. Любовь и счастливая жизнь с Патриком. Ребенок. Я имела все, что хотела получить в этой жизни. Теперь же всему пришел конец. Сара уехала,

и я осталась одна. Она выйдет замуж, родит детей. Я стану бабушкой».

При этой мысли Энн улыбнулась. Внукам своим она будет только радоваться. Она представила себе, какими красивыми и умными будут дети Сары, и сердце ее наполнилось теплотой. Да, мальчики с черными непослушными волосами, как у Сары, и маленькие пухленькие девочки. Она будет читать им книжки, рассказывать сказки...

Энн вновь улыбнулась, но щемящее чувство, овладевшее ею, так и не прошло. Вот если бы Патрик был жив. Воспоминание о муже отозвалось в ее сердце болью. Случилось это давно — когда Саре исполнилось три годика, и горькая боль утраты с годами ослабела. Теперь о Патрике Энн вспоминала со светлым чувством грусти. Своего мужа, импульсивного молодого человека, она очень любила. Но это было так давно...

Однако сегодняшнее воспоминание о нем оказалось для Энн особенно болезненным. Если бы Патрик был жив, то с отъездом Сары она не чувствовала бы себя такой одинокой. После замужества дочери они бы остались вдвоем и, деля все радости и невзгоды, вместе шли бы по жизни.

Выйдя на площадь перед вокзалом, Энн Прентис оказалась в самой гуще толпы. Как же зловеще они смотрятся — она поглядела на выстроившиеся в ряд красные автобусы. Словно чудовища в ожидании

своих жертв. Ей казалось, что они живут своей, не зависящей от их создателей жизнью.

Каким же шумным и суетливым показался ей этот мир. Все в нем куда-то спешили, о чем-то болтали, смеялись, жаловались друг другу, радостно выкрикивали приветствия, а потом расставались.

И тут вновь Энн Прентис почувствовала себя абсолютно одинокой. «Только теперь, когда рядом со мной нет дочери, я поняла, насколько зависима от нее, — подумала она. — Возможно, что и Сара зависит от меня. И в этом моя вина. Мне следовало бы воспитывать ее совсем по-другому. Нельзя же постоянно опекать молодых — у них должна быть своя собственная жизнь. Я сама должна была способствовать тому, чтобы у Сары появлялись новые интересы и новые друзья».

Энн улыбнулась, поскольку побуждать к этому дочь никакой необходимости не было: у Сары было много друзей, и в ее голове постоянно зрели какие-то планы. Она никогда не сидела на месте, всегда находилась в движении, а за осуществление своих идей бралась уверенно, получая при этом огромное удовольствие. Сара обожала мать, но, как свойственно большинству взрослеющих дочерей, относилась к ней с некоторым покровительством.

Насколько пожилой казалась сорокаоднолетняя Энн дочери? Сама себя она старухой никак

не считала: изредка пользовалась косметикой и на людях всегда появлялась в красивых платьях, надев на шею тонкую нитку жемчуга.

— И почему мне в голову лезут такие глупые мысли? — глубоко вздохнув, вслух сказала себе Энн. — Наверное, это связано с проводами Сары.

Как бы в этом случае сказали французы? *Partir, c'est mourir un peu*¹.

«Да, так оно и есть... Сара, увезенная скрежежавшим по рельсам поездом, стала для меня почти что мертвой, — подумала Энн. — И я для нее тоже. Странная вещь — расстояние. Теперь мы с ней разделены в пространстве...»

Сара живет одной жизнью, а она, Энн, — другой. Своей собственной.

И тут на смену грусти к ней пришло радостное волнение: отныне она сама может решать, когда ей вставать и чем заниматься весь день. Просыпаться она будет рано, завтракать в постели, а по вечерам ходить в кино или в театр. Или же она может сесть на поезд, уехать за город и бродить среди деревьев, любуясь природой...

Конечно, делать все это Энн могла бы и раньше, но когда ты не одна, то всегда приходится считаться с интересами того, с кем живешь. Но, с другой стороны, Энн очень нравилось, что Сара не сидит

¹ Расставание — маленькая смерть (*фр.*).

дома, а все свое свободное время старается быть с друзьями.

Каждая мать должна быть счастлива, что ее ребенок растет живым, общительным и многим интересуется. Наблюдая за Сарой, Энн Прентис словно переживала вторую молодость. Но уже без тех волнений и проблем, с которыми она сталкивалась в юности. Ведь она теперь знала, что на многое из того, что когда-то ей доставляло неприятности, внимания можно и не обращать.

«Нет, правда, мама, это так серьезно! — сверкая от волнения глазами, порой говорила Сара. — Пожалуйста, не улыбайся. Надя уверена, что от этого зависит ее будущее!»

Но человек в сорок один год уже знает, что будущее человека очень редко зависит от того, что едва не произошло с ним в юности. Жизнь гораздо объемней и сложнее, чем это кажется молодежи.

В годы войны, работая санитаркой в лазарете, Энн впервые поняла, как много могут значить такие, казалось бы, пустяки, как зависть и ревность, жесткий воротничок или кровавая мозоль на ноге. Все эти мелочи доставляли ей такое беспокойство, что она порой забывала, что находится на фронте и в любой момент может погибнуть. Тогда же юная Энн впервые столкнулась с непостоянством человеческой природы и узнала, насколько трудно отличить хорошего человека от плохого. Вынося с поля боя раненого,

она проявляла удивительную для себя храбрость, но иногда тот, ради кого она рисковала жизнью, крал у нее какую-нибудь красивую безделушку.

Там, на войне, Энн поняла, насколько сложен человек во всех своих проявлениях.

От грустных мыслей ее оторвал резкий гудок проезжавшего мимо такси. «Чем же мне теперь заняться?» — подумала Энн Прентис.

Сару она проводила, а до ужина, на который ее пригласил Джеймс Грант, оставалось еще много времени. Милый Джеймс, всегда такой добрый и заботливый! «После отъезда дочери ты почувствуешь себя немного потерянной, — сказал он. — Давай пойдем куда-нибудь и отпразднуем ее проводы». Как это мило с его стороны! Джеймс нравился Саре, и она считала его истинным джентльменом. «Да, Джеймс — изумительный человек, — подумала Энн. — Правда, когда он начинает рассказывать одну из своих очень длинных историй, становится немного скучно. Но их пересказ доставляет ему явное наслаждение. И человеку, знающему его на протяжении последних двадцати пяти лет, ничего не остается, как слушать Джеймса до тех пор, пока он не закончит».

Энн посмотрела на свои наручные часы. Она могла бы сходить в хозяйственный магазин и купить там кое-что из кухонной посуды — ей давно об этом говорила Эдит. Тем самым она решила бы проблему своего свободного времени. Заглянув в

магазин и приценившись к выставленным там кастрюлькам, Энн пришла в ужас — цены на них оказались просто заоблачными!

В конце концов она зашла в телефонную будку и набрала номер.

— Я могу поговорить с госпожой Лаурой Витстейбл? — услышав голос в трубке, произнесла Энн.

— Кто ее спрашивает?

— Миссис Прентис.

— Минуту, миссис Прентис.

Вскоре в трубке раздался низкий звучный голос:

— Энн?

— О, Лаура, я знаю, что не должна была тебя беспокоить в это время, но я только что проводила Сару. Скажи, ты сегодня очень занята?

— Будет лучше, если мы с тобой вместе пообедаем, — решительно произнесла Лаура Витстейбл. — Молоко с ржаным хлебом. Это тебя устроит?

— Меня устроит все. Ты просто ангел.

— Тогда я тебя жду. В четверть второго.

2

Было четырнадцать минут второго, когда Энн, расплатившись с таксистом, нажала на кнопку звонка.

Хакнесс, служанка Лауры Витстейбл, открыв дверь, улыбнулась гостье.

— Поднимайтесь наверх, миссис Прентис, — сказала она. — Госпожа Лаура через пару минут выйдет.

Энн легко взбежала по лестнице и вошла в гостиную, в свое время служившую столовой. Теперь весь верхний этаж высокого дома был превращен в квартиру с очень удобной планировкой. Журнальный столик, стоявший в гостиной, был накрыт для обеда. В целом убранство комнаты более соответствовало запросам мужчины, нежели женщины: большие удобные кресла, огромное количество книг, некоторые из которых в стопках лежали на креслах, а на окнах — насыщенного цвета дорогие велюровые шторы.

Ждать Энн долго не пришлось — очень скоро она услышала голос, напоминавший звучание ф-гота, и только потом в комнату вошла сама хозяйка дома. Подойдя к Энн, госпожа Лаура нежно поцеловала ее.

Миссис Витстейбл было шестьдесят четыре года. Держала она себя величественно, словно королева или человек, хорошо известный во всех слоях общества. Все в ее облике было несколько большего размера, чем у обычного человека: огромный бюст, густая копна аккуратно уложенных седых волос, массивный орлиный нос. При этом у нее был и очень низкий зычный голос.

— Как же я рада видеть тебя, дитя мое, — пробасила она. — Энн, ты прекрасно выглядишь. Я ви-